

There are no translations available.

Воспоминания Анатолия Сергеевича Серого о Мозолевском Б.Н.

Анатолий Сергеевич Серый и Сергей Олегович Тороп Фото: 2016 г.

- Когда состоялась Ваша первая встреча с Борисом Мозолевским и при каких обстоятельствах?

- Моя первая встреча с Борисом Мозолевским произошла в июне 1971 года. Я тогда жил в городе Орджоникидзе, служил в должности начальника отдела вневедомственной охраны. И когда Борис Николаевич начал исследования Толстой Могилы, я из любопытства пришел туда, посмотрел, поговорил с участниками раскопок. С Мозолевским было интересно общаться, он был незаурядный человек, неплохой ученый, хотя на то время он не занимал высокой должности, был всего лишь младшим научным сотрудником. А еще Борис Николаевич прекрасный поэт, интересный рассказчик.

Мозолевский очень надеялся на серьезную находку в Толстой Могиле. Раскопки производили благодаря Григорию Лукичу Серее, он был управляющим трестом «Орджоникидзе-марганец» и помог с техникой и рабочими. Исследователи быстро снесли курган и увидели, что есть грабительский ход. Надо было видеть разочарование Мозолевского. И что самое обидное - по ходу грабительского хода обнаружили, растерянные впопыхах грабителями, золотые бляшки. Также были найдены останки

лошадей и конюхов, а в центральном захоронении нашли погребение скифского царя, его жены и малолетнего ребенка. Кроме них были захоронены охранники, и что примечательно, их сначала убивали, а затем хоронили. У одного из охранников в руке была земля, из этого стало ясно, что захоронили его еще живым. Видимо он скрёб землю, когда засыпали курган. Так же нашли служанку-повариху, поскольку она лежала возле ниши, где была посуда с остатками еды.

Была ограблена центральная часть гробницы и Борис Николаевич принял решение осматривать захоронение царицы и ребенка. Там все было нетронуту. Обнаружились фрагменты платья, украшенного золотыми бляшками и головной убор, а на шее маленького ребенка была золотая гривна (нашейное украшение). Потом перешли к разграбленному захоронению царя, кое-где нашли золотые бляшки, а в углу обнаружили меч в золотых ножнах. Поднимая полуистлевшее деревянное колесо от телеги, Борис Николаевич увидел, что под ним что-то блеснуло. Это была пектораль, придавленная колесом, немного повреждена. Это была сенсационная находка! Это произошло 21 июня 1971 года. Сразу у кургана выставили охрану из вооруженных сотрудников милиции.

Находка пекторали прославила Мозолевского, и он считал её самой значимой. На второй день приехал профессор Алексей Иванович Тереножкин – известный ученый-скифолог. Несмотря на свой костюм, он упал на колени прямо на землю и стал рассматривать находки. Вот такие они были ученые – влюбленные в свою работу.

Спустя несколько дней приехал Пётр Тимофеевич Тронько – заместитель председателя Совета Министров УССР Владимира Васильевича Щербицкого. В одной из комнат горкома партии накрыли красный стол и выложили все находки. Борис Николаевич попросил меня прийти туда, чтобы присутствовать и охранять все эти сокровища. Пётр Тимофеевич пришел в сопровождении председателя горсовета и секретаря горкома партии, они осмотрели все и попросили сделать фотографии. Решили оформить три альбома: первому секретарю ЦККПУ – П.Е. Шелестову, Председателю Совета Министров УССР – В.В. Щербицкому, заместителю председателя Совета Министров УССР – П.Т. Тронько.

Когда они ушли, Мозолевский всё собрал, пектораль бережно завернул в красную ткань и попросил меня сопровождать его в ГОКовскую фотолабораторию. Я взял пектораль под мышку, и мы пошли.

- Так вы соприкоснулись с историей?

- Да я историю, можно сказать, нёс под мышкой. Пришли в лабораторию, сфотографировали находки, вдобавок ко всему еще и сами фотографировались с пекторалью на груди. К сожалению, в связи с переездом на новую квартиру, эти фотографии не сохранились.

О находке пекторали стало известно всему миру. Борис Николаевич получил премию – 50 рублей и его повысили в должности до старшего научного сотрудника с окладом в 200 рублей. По тем временам это были хорошие деньги.

После этого между нами завязалась дружба и когда Борис Николаевич проводил раскопки в Никопольском районе, всегда заезжал к нам в гости, а мы тогда жили на улице Чубаря. Поэтому во время переименования улиц, я попросил, чтобы улицу Чубаря, переименовали в улицу Б. Мозолевского. Мое предложение было принято с одобрением.

В гости Борис Николаевич приходил не с пустыми руками, всегда с бутылочкой болгарского коньяка «Плииска». За беседой он рассказывал о своих раскопках, о жизни и многом другом. Борис Николаевич был прекрасным и интересным собеседником. В молодости мечтал о небе, хотел стать лётчиком, поступил в лётное училище в Ейске. Училище не закончил, так как в 1956 году попал под сокращение вооруженных сил СССР. Переехал в Киев, устроился на работу кочегаром. В те годы чуть ли не жил в кочегарке, писал стихи, учился в Киевском государственном университете. Окончив университет в середине 60-х, получил специальность и начал вести раскопки. Борис Николаевич провел много археологических исследований курганов, но находки в них были не столь впечатляющими. Пока не раскопал курган Толстая Могила, где нашлась царская золотая пектораль, эта находка сделала его знаменитым. Он всегда при разговоре вспоминал о ней, о том, как держал ее в руках, фотографировал.

Печально, что Борис Николаевич ушел из жизни таким молодым. Ему было всего 57 лет. После смерти Бориса Николаевича осталась вдова Вера Даниловна, которая так и живёт в Киеве и иногда принимает участие в раскопках. Несколько лет назад приезжала она на раскопки в районе Шолохово и мы с ней беседовали. Моя дочь Наталия сняла фильм в память о Мозолевском, брала интервью у его жены, у историка

Никопольского краеведческого музея Мирослава Жуковского. Я тоже поучаствовал в съемках, снятых моей дочерью. Фильм называется «Борис Мозолевский».

Вот такая моя история знакомства с Борисом Николаевичем. Я буду помнить его всегда. Правду говорят, что если человека не видел мертвым, он всегда остается для тебя живым. Вот и для меня Борис Николаевич жив и по сей день.

Мы были в очень хороших с ним отношениях, он дарил мне книги со своими автографами. Благодаря им, у меня осталась память о нем. В то время мы были молоды и мысли о смерти даже в голову не приходили. Поэтому мало фотографировались, о чем я сейчас жалею.

- Ваше «соприкосновение с историей», как-то повлияло на вашу дальнейшую жизнь?

- До сегодняшнего дня я не задавался таким вопросом. Во-первых, чувство прикосновения к истории, в тот момент, когда держал пектораль в своих руках, это да, было. Плюс ко всему, стало известно о бесценности пекторали, правда, на одной из выставок её оценили в несколько миллионов долларов, но Борис Николаевич сказал, что это условная цена, лишь бы только её застраховать. Несколько раз пектораль реставрировали, была попытка оставить её в Ленинграде, но ученые настояли на том, что бы она хранилась в Киеве, где она и сейчас находится вместе с другими находками из Толстой Могилы.

- Скажите, а последнюю свою встречу с Борисом Мозолевским вы помните?

- Это произошло, когда он проводил раскопки недалеко от Никополя. В нашу последнюю встречу я познакомил Бориса Николаевича с Верой Алексеевной Бард, нашей никопольской поэтессой. Она попросила меня об этом знакомстве, хотела показать ему свои стихи. Вера Алексеевна пришла, Борис Николаевич прочитал её стихи, сказал, что они хорошие, но отметил единственный недостаток – они были написаны на русском языке. Если б они были на украинском, он помог бы разместить их, уже завтра, в каком либо журнале. Сам Мозолевский очень много писал и на русском языке, и на украинском. Родом был из села Николаевка Николаевской области. У нас сним разница в возрасте 9 лет, но по существу мы ее не ощущали, кроме того, что на то время у него было больше знаний, в частности по истории, да и жизненного опыта побольше моего.

Каким был Борис Николаевич как собеседник? Не было ли у него высокомерия в разговоре?

Нет, никогда не замечал, чтоб он повел себя как-то горделиво. Он был равный со всеми, даже после находки пекторали. Просто стал более востребованным. С ним всегда легко было общаться. Приходил в гости, иногда звонил, перед тем как зайти, а мог и без звонка прийти.

- У Бориса Николаевича была ли археологическая мечта?

- Мечта у него всегда была, хотел еще что-нибудь ценное найти, но после пекторали, он говорил о малой вероятности находки более значимой вещи, чем пектораль. Он как-будто чувствовал, где нужно вскрывать погребение, и чутье его не подводило. И находки Толстой Могилы тому доказательство.

- Скажите, вы бывали в летнем лагере Мозолевского, на реке Базавлук,? Каким он вам запомнился?

- Бывал, конечно. Камни, которые возле городского музея стоят, раньше там находились. Всегда были энтузиасты и сотрудники экспедиции помогающие ему. Когда вскрывали Толстую Могилу, в составе его группы было двое иностранцев – немцы Рената Ролле и Вилли (к сожалению, фамилии его я не запомнил).

Мне еще запомнился случай смерти комсомольца, который дежурил на раскопках Толстой Могилы вместе с двумя милиционерами. С ним случился, похоже, приступ эпилепсии, поскольку он был весь синий. Неприятный случай, конечно, и Борис Николаевич говорил, что «скифы свое берут». Может быть и Мозолевский, поэтому так рано умер. Нам не дано знать...

А вообще Борис Николаевич верил в мистику, связанную с курганами?

Я такого не припомню. Откровенно так не говорил, но после случая с комсомольцем, сказал, что «скифы свое забирают, охраняют хорошо и не дают вскрывать».

- У Мозолевского был любимый стих, который он постоянно читал?

- Нет, просто он читал новые стихи, посвященные скифским курганам и скифам. Последнее его стихотворение было прощальным, он знал, что уходит и как бы прощался со всеми. Очень жаль, ведь Борис Николаевич мог еще прожить лет 20, найти за это время еще что то.

- У вас остались фотографии с Борисом Николаевичем?

- Две фотографии у дочери. У нас дома, за столом, на них мы с Мозолевским раздеты до пояса, так как было жарко. На руках у него сидели мои дети - сын и дочь. Борис Николаевич любил детей.

